

Творческий портрет

Своя тема

Замечательный советский актер С. Михоэлс как-то сказал: «Если у актера нет его личной темы—это не актер. Если он не одержим желанием сказать людям что-то, что он считает самым важным—это не актер».

...Матвей Крендель, артист Молотовского драмтеатра, редко играет большие роли. Такое уж, выражаясь старомодным театральным языком, его амплуа «комике». Но М. Крендель актер настоящий—ему есть что сказать. И в маленькой роли умеет он завязать со зрителем большой разговор.

Тридцать лет творчества на сцене Молотовского драматического театра! Это сотни самых различных ролей, сыгранных в пьесах Гоголя, Островского, Чехова, Шекспира, Бомарше и современных драматургов. Есть среди них удачные и неудачные. Но главное—много таких, что сделаны не просто опытной рукой, но сердцем, в них живет своя тема художника.

Вспомним хотя бы Ивана Зайченкова из драмы М. Юдальевича «Песня о подвиге»—недавнюю работу М. Крendela.

Ни пьеса, ни сама роль не отличаются оригинальностью. Но если вы видели в ней Крendela, вы запомнили добродушного мужичка с всклокоченной бородашкой и добрым, по-детски чистым взглядом. Иван—мужичок «из робких». Он громкого слова не скажет, не сразу откроет, что у него на душе. Лишь во взгляде, в интонации мелькнет глубоко затаянная боль, тоска по родной земле... Но если бы актер рассказал лишь о том, как плохо жилось крепостному крестьянину, он бы проиллюстрировал пьесу, и только. Крендель сказал больше,

В той человечности, с которой заботится Иван о своих товарищах, в той сердечной теплоте, с какой

поддерживает он больного изобретателя Ползунова, зритель чувствует в робком, забитом человеке большое доброе сердце. Жестокости жизни не убили в человеке человеческое—не убили в нем нравственную чистоту...

Крендель—комедийный актер. Он владеет самыми разнообразными оттенками комического—от сатирического протеска (например, Кокорышкин в «Нашествии») и до мягкого юмора.

Епиходов из «Вишневого сада». С нафабренными усами, с диким галстуком, поет он Дуняше свой «жестокый романс» и глубоко мысленно решает: «Жить мне или застрелиться, собственно говоря?».

Мы смеемся над его нелепостью, но в то же время понимаем, что все это маска, а под нею—искренне страдающий, любящий человек. Нелегкая жизнь исковеркала его, но не сделала мерзавцем, подобным лакею Яшке.

В самом заурядном артисте стремится отыскать теплое, человеческое, и если находит это в своем герое, то рисует его с юмором лирическим, сердечным. Особенно дороги артисту те моменты, где в герое просыпается гордость за свое человеческое «я». Горько, но с чувством достоинства укоряет прижав Вафля («Дядя Ваня») Елену Андреевну, по небрежности перепутавшую его имя и отчество: «...Илья Ильич... Илья Ильич Телетин... Если изволили заметить, я каждый день с вами обедаю...».

«Чеховское» близко сценической манере актера, но это вовсе не значит, что ему доступны лишь мягкие пастельные, лирические краски. Достаточно вспомнить веселую вереницу плутоватых слуг из комедий Лопе де Вега, Гольдони, Бомарше. Как сочно умеет их играть Крендель! Сколько природного ума

и ловкости в проходке Скапене из «Слуги двух господ», сколько иронии в язвительных шутках Тристана из «Собаки на сене»... И пьяница-садовник из «Женитьбы Фигаро» вовсе не такой уж простак. Он отлично смекает что к чему, и не без ехидства разоблачает сомнительные делишки своих господ... Главное, что подкупает в этих веселых героях,—их жизнелюбие, народный юмор, их честное сердце.

С новой стороны раскрывает актер своего героя, играя наших современников.

Четырнадцать лет назад в спектакле «Русские люди» Крендель играл такой эпизод: к капитану Сафонову—коменданту осажденного города—приходит древний старичок в потрёпанном тулупчике и больших, не по росту, валенках. Он пришел не за хлебом, не за водой—старуку нужны трехлинейки. Эпизод длится пять минут, но Крендель играл его так, что тот становился центральным в спектакле. Старичок был самый обыкновенный, он даже робел в разговоре с «начальством», но в его решимо-

сти защищать родную землю была убежденность человека, который и не представляет, что можно поступить иначе. Слезы, выступившие на глазах капитана Сафонова, не выглядели фальшиво. Отцы и дети—так читался этот эпизод.

Зайченков и старичок из «Русских людей»—разные характеры, люди разного времени, но в каждом из этих образов открывается определенной гранью *своя тема* художника, их создавшего. Мы бы определили ее так: *большое сердце маленького человека*. Впрочем, эпитет «маленький» не совсем точен.

— «Вранье, что я маленький человек,—протестует бухгалтер Тузиков—Крендель («Роковое наследство»),—вранье, потому что я гражданин самой передовой державы!».

Это гордое достоинство советского человека—хозяина своей судьбы—хорошо передает Крендель в образах наших современников.

Конечно, не все одинаково удается артисту. Разве не мог он гораздо ярче и интереснее сыграть, скажем, часовщика в «Кремлевских курантах»? Ведь это его роль! Это его герой!

Но часто вина оказывается не в артисте.

Нередко приходится М. Кренделю играть роли поверхностные, случайные, которые ничего не дают ни зрителям, ни исполнителю. Могут возразить: всякую роль нужно играть хорошо. М. Крендель так и играет. Но всегда ли театр по-хозяйски расходует творческие силы своих мастеров? Скажем, нужно ли было ставить плохую пьесу «Скворцы прилетели», а Кренделю тратить усилия для того, чтобы в какой-то мере оживить ремесленно написанную роль?

М. Крендель, как и многие другие артисты театра, еще ждет свою «большую» роль.

Г. БЕЛЯЕВ.

На снимке: М. Крендель в роли Ивана Зайченкова.